

В марте 2018 года в нашей стране и далеко за ее пределами прошло празднование 150-летия со дня рождения Максима Горького. С его именем привычно связывают одно из важнейших событий в литературной и политической жизни России – подготовку и проведение Первого съезда советских писателей, который должен был объединить писательскую общественность и создать условия для деятельности творческой интеллигенции молодой республики Советов. Подготовка к проведению съезда, который рассматривался и политическим руководством страны, и писательской общественностью как важный этап становления нового типа культуры, началась задолго до той даты, которую мы привычно относим к августу 1934 года. Только недавно опубликованные письма М. Горького тех лет, а также архивные материалы, еще готовящиеся к публикации, характеризуют напряженную атмосферу, в которой обсуждались вопросы, связанные с этим важным событием в жизни страны.

Предыстория Первого съезда советских писателей начиналась в апреле 1932 года, когда было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций». 7 мая 1932 года на Оргбюро ЦК ВКП(б) было принято Постановление «О мероприятиях по выполнению постановления Политбюро ЦК ВКП(б) “О перестройке литературно-художественных организаций”». Постановление содержало перечень практических мероприятий, среди которых одним из наиболее важных было утверждение организационного комитета Союза советских писателей (по РСФСР) в составе М. Горького (почетного председателя), И. Гронского (председателя оргкомитета), В. Кирпотина (секретаря союза), А. Фадеева, Ф. Панферова, В. Киршона и других. Согласно Постановлению главной задачей оргкомитета ССП была организация Всесоюзного съезда писателей. Казалось бы, логично предоставить самим писателям решать вопросы, связанные с деятельностью творческого союза, однако изначально Политбюро ЦК рассматривало оргкомитет как организацию временную. На совещании писателей-коммунистов 20 октября 1932 года в своем обращении к собравшимся Сталин так определил задачу оргкомитета: «Я смотрю на Оргкомитет как на временный орган, который должен подготовить Всесоюзный съезд. И только... <...> Ликвидировав РАПП и создав новую литературную организацию, мы стремились привлечь в эту организацию представителей от всех литературных группировок» и только на этой основе «будет создан единый союз, в котором объединятся все и в котором будет единая руководящая фракция коммунистов». То есть изначально ни о какой легитимности будущего союза не могло быть и речи, а преимущественное право руководить творческим объединением предоставлялось писателям, имеющим в кармане партийный билет и строго следующим задачам, которые ставит перед ними руководство страны.

Ограниченность полномочий оргкомитета сразу стала серьезной проблемой для его членов, поскольку они были не свободны даже в определении сроков работы съезда, которые менялись несколько раз. По-видимому, руководству страны необходимо было время для того, чтобы идея союза, созданного по инициативе правящей партии, прочно вошла в сознание литературной общественности, которую таким образом готовили к творчеству в новых условиях. Так, еще за месяц до выступления Сталина перед писателями-коммунистами, где он высказался довольно откровенно о задачах оргкомитета, 27 сентября 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б), поднимая вопрос о дате проведения съезда советских писателей, принимает следующее решение: «...отложить съезд писателей до середины мая 1933 г.».

Через полгода после решения Политбюро о перенесении сроков съезда 16 марта 1933 года председатель оргкомитета И.М. Гронский – редактор газеты «Известия» – подает докладную записку в Секретариат ЦК ВКП(б) с результатами организационной работы по проведению съезда, и 22 марта Постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) было принято решение: «созвать съезд Союза советских писателей СССР 20 июня [19]33 г. в Москве». Можно предположить, что одним из возможных обоснований этой даты стало возвращение М. Горького на родину. Его имя и авторитет Сталин планировал использовать как козырную карту в задуманной им игре.

Горький приехал в СССР из Сорренто 25 апреля 1932 года, но только через три месяца, 18 августа, его избирают почетным председателем оргкомитета. Ранг «почетного председателя» вызвал у Горького смутное

чувство неудовлетворенности, если даже не обиды. Свидетельство тому – письмо из Сорренто (17 января 1933 года), адресованное М. Томскому, к тому времени заведующему Объединенным государственным издательством: «Оргкомитет? А он – существует? Со стороны почетного председателя вопрос этот звучит иронически, но “почетному” ничего не известно о работе Оргкомитета». Самим именованием должности он как бы выносился «за скобки» готовящегося мероприятия. По-видимому, на этом этапе подготовки съезда партийные функционеры не нуждались в обсуждении с ним важных вопросов практического характера, поэтому Горький не принимал никакого участия в его подготовке вплоть до окончательного возвращения в СССР летом 1933 года. К этому времени деятельность оргкомитета подверглась резкой критике, так как проводилась его президиумом без учета мнений писательского большинства.

Горький безусловно поддерживал идею создания союза писателей, считая, что раздоры в писательской среде мешают творчеству. Однако вряд ли Горькому было известно в то время, что мысль о необходимости партийного контроля над литературным процессом принадлежала не Сталину, а Л. Троцкому, который еще в 1922 году писал в ЦК, характеризуя настроения шести групп писателей: «Оформить настроение сочувствия нам, привлечь на свою сторону колеблющихся можно путем создания единого центра... Таким центром может стать Всероссийский Союз писателей».

Сталин прекрасно понимал, что Горький – единственный человек, который может возглавить объединение писателей, прекратить бесчисленные конфликты в РАППе между группой Серафимовича – Ставского – Панферова и группой Авербаха, Ю. Либединского, В. Киршона. В доме на Малой Никитской, в бывшем особняке Рябушинского, предоставленного правительством Горькому и его семье, проходили наиболее важные встречи, на которых определялась судьба русской литературы. Так Сталин внушал соотечественникам мысль о том, что вернувшийся на родину Максим Горький разделяет политику партии и ее вождя. Именно здесь, в квартире Горького, на одном из многочисленных совещаний Сталиным были произнесены знаменитые слова о писателях – «инженерах человеческих душ». Стремясь к созданию командно-бюрократической системы руководства культурой, Сталин и непосредственные исполнители его воли (Гронский, Постышев, Стецкий, Юдин, Щербаков, Кирпотин и другие) заговорили о необходимости выработать **единый** творческий метод советской литературы, получивший впоследствии определение «социалистический реализм».

Судя по воспоминаниям Гронского, Горький не принимал участия в создании концепции нового метода. История возникновения этой идеи изложена Гронским в письмах к одному из авторитетных горьковедов нашего времени – А.И. Овчаренко. Трудно сказать, насколько правдивым можно считать признание Гронского в том, что сам термин был придуман им в соавторстве со Сталиным, во время разговора с глазу на глаз в кабинете вождя. На следующий день на заседании комиссии Политбюро, где присутствовали писатели из РАППа, ВОАППа, МОРПа (А. Афиногенов, В. Киршон, Б. Ясенский, Б. Иллеш и другие) социалистический реализм был утвержден как творческий метод советской литературы. Горького на этом совещании не было, но о нем вспомнил П. Постышев, заявив, что метод возник задолго до Октябрьской революции в творчестве Горького.

Напомним, что впервые формулировка основных принципов социалистического реализма была опубликована в «Литературной газете» 23 мая 1932 года. Впоследствии они были закреплены в Уставе Союза советских писателей. Горький был в Сорренто, когда в Москве проходил второй пленум оргкомитета, где Луначарский сделал доклад о социалистическом реализме, утвержденный Сталиным. Иными словами, участие Горького в пропаганде нового метода ограничилось популярной статьей для первого номера журнала «Литературная учеба», вышедшего 17 июля 1933 года.

К лету 1933-го, когда Горький окончательно вернулся в СССР, деятельность оргкомитета исчерпала себя. Приезд Горького существенно изменил ситуацию. В начале июля 1933 года он провел совещание с группой деятелей культуры, на котором предложил перестроить работу по подготовке съезда. В представлении Горького это было связано с необходимостью активизировать действия представителей литературной общественности в первую очередь, поэтому и съезд, который планировали провести в 1933 году, надо перенести на следующий год. Эта позиция была обозначена Горьким 15 августа на заседании оргкомитета. В своем выступлении он предложил определить наиболее острые проблемы, нуждающиеся в обсуждении, и наметить пути устранения противоречий между писательскими группировками, по-разному трактующими перспективы развития отечественной литературы и культуры в целом. На этом совещании Горький был избран председателем всесоюзного оргкомитета вместо И. Гронского.

В первых числах сентября 1933 года состоялась встреча писателей в доме Горького на Малой Никитской. Она была посвящена самой острой проблеме – руководству Союзом писателей. В отличие от широко известных бесед писателей со Сталиным, об этой встрече даже не упоминается в «Летописи жизни и творчества Горького». Сталин запретил стенографировать выступления, поэтому скудные сведения о том, что там происходило, восстанавливаются из некоторых статей 1930-х годов и из воспоминаний некоторых участников встречи. Между тем именно на этой встрече шла речь о форме связи между писателями и партийными руководителями. На совещании помимо Сталина присутствовали Каганович, Бухарин, зав. отделом пропаганды и агитации ВКП(б) Стецкий, будущий секретарь Союза писателей Щербаков, редактор «Правды» Мехлис. Писателей волновали два вопроса: как ими будут управлять и кто будет управлять?

Открывая собрание, Горький сказал, что писатели и работники печати приглашены, чтобы обменяться мнениями о важных организационных вопросах, касающихся литературы. Затем слово взял Сталин, говорил долго, и суть его выступления сводилась к тому, что партия хочет, чтобы писательское сообщество работало в полном контакте с партийной организацией. Горький, поблагодарив «партию и старших товарищей» за проявленное внимание к вопросам развития литературы, **не поддержал** идею о партийном руководстве писателями, остановившись на «трудностях выполнения тех требований или тех указаний и советов, которые мы сейчас слышали».

На этом собрании Горький, по воспоминаниям очевидцев (Л. Сейфуллиной, Н. Накорякова – зав. ГИХЛом), был хмур и встревожен. Ему не понравилось предложение Мехлиса провести «чистку» в рядах писателей, чтобы освободить их от «враждебных элементов». Горький тут же возразил Мехлису, что писателям нужно предоставить право самим

решать вопрос о членстве в Союзе, самим проводить воспитательную работу и принимать решение о приеме в члены Союза или исключении из него.

После этой знаменитой встречи в сентябре 1933 года у Горького появилось желание возглавить Союз писателей, тем более что в правление съезда наметили выбрать не «крепкое ядро квалифицированных писателей», как планировал Горький, а партийных чиновников. Уговаривая Сталина отложить съезд, Горький писал ему: «С радостью увидел в “Правде” статью Л. Каменева. Если бы съезд отложить – докладчиком по основному вопросу, может быть, назначили бы его. Я для этой роли не гожусь – “беспартийный” и косноязычен, да и к тому же – всех писателей обидел, и они на меня сердятся». О какой обиде писателей на Горького могла идти речь? По-видимому, многие не приняли идею Горького о необходимости примирения, согласия по вопросам как эстетического, так и политического характера, которая была высказана им на августовском заседании оргкомитета. Сталина предложение Горького поставить в качестве основного докладчика Л. Каменева не устраивало: он не верил в раскаяние человека, дважды исключенного из партии – в 1927 и в 1932 году. Вторично исключенный из партии в 1932 году в связи с деятельностью «Союза марксистов-ленинцев», по настоянию Горького Каменев в декабре 1933 года был назначен директором издательства «Academia». Несмотря на согласие Сталина, трудно поверить, что вождь поверил в исправление и раскаяние Каменева, но Горький упрямо требовал, чтобы доклады на съезде были поручены членам оппозиции – Бухарину и Радеку. По свидетельству Гронского: «Горький изнасиловал Сталина и ЦК и добился докладчиками на съезд Бухарина и Радека». Он же приводит и слова Сталина: «Горький пристал, я ему уступил». Уступка объясняется тем, что Горький согласился стать главным докладчиком на съезде.

Однако уже 2 августа 1934 года Горький пишет Сталину: «...я убедительно прошу освободить меня от председательства в Союзе по причине слабости здоровья и крайней загруженности литературной работой». Из этого письма, которое хранится в Архиве писателя, следует, что истинной причиной отказа Горького было нежелание работать с людьми, проводящими линию партии – Юдиным и Мехлисом, линию чистки рядов писателей. «Идеология этой линии неизвестна мне, а практика сводится к организации группы, которая хочет командовать Союзом писателей. Группа эта – имея волю к власти и опираясь на центральный орган партии, конечно, способна командовать, но, по моему мнению, не имеет права на действительное и необходимое идеологическое руководство литературой, не имеет вследствие слабой интеллектуальной силы этой группы, а также вследствие ее крайней малограмотности в отношении к прошлому и настоящему литературы». Как следует из этого письма, Горький практически в одиночку пытался противостоять стремлению вождя подчинить литературную деятельность партийно-чиновному диктату.

О том, как складывались отношения с представителями критикуемой Горьким линии Юдина – Мехлиса, можно судить по переписке с ними. При подготовке единого «монолитного» писательского союза в литературных организациях страны проводился смотр творческих сил, итоги которого и были положены в основу решения вопроса о зачислении в будущий союз писателей. 5 июня 1934 года секретарь оргкомитета П. Юдин писал Горькому: «...Расстановка сил в союзе писателей

получается интересная и безусловно в нашу пользу. Из 264 принятых сто человек коммунистов (а из 326 непринятых коммунистов 52 ч.). при этом для коммунистов скидки комиссия не делала (только разве в единичных случаях)...»

Работа апелляционной комиссии оргкомитета по приему в новый союз писателей продолжалась с 15 по 20 марта 1934 года. Так, по Московским литературным организациям из 194 непринятых в члены ССП после работы апелляционной комиссии были переведены в разряд принятых 16 человек (Н.С. Ашукин, Л.И. Гумилевский, С.М. Городецкий, А.Б. Дерман, Д.П. Святополк-Мирский и другие) и стажеров 17 человек (О.М. Бескин, О.С. Войтинская Н.К. Гудзий и другие). Среди непринятых в члены ССП СССР оказались Матэ Залка, А.И. Ревякин, М.Я. Козырев, В.И. Язвицкий и другие.

Казалось, все намеченные мероприятия проведены – осталось только встретиться в Москве. Однако 14 июня 1934 года на имя руководителей страны Сталина, Кагановича и Жданова была подана коллективная докладная записка членов оргкомитета П. Юдина, В. Кирпотина и В. Ставского, в которой сообщалось:

«Съезд советских писателей откладывался три раза, четвертый срок съезда – 25 июня этого года. Мы считаем, что больше откладывать съезд невозможно по следующим причинам:

1. Съезд подготовлен и по-серьезному. За последние месяцы Оргкомитеты (Всесоюзный и республиканские) развернули большую политическую и литературную работу. Проведены предсъездовские совещания в республиках и всесоюзные – по поэзии, драматургии. По оборонной литературе, по художественному очерку и др. Проведен ряд диспутов и докладов. Во всех этих совещаниях писатели принимали активное участие. Основные вопросы художественной литературы обсуждены широкими массами писателей. Большинство докладов уже написано (Кирпотин, Тихонов, Ставский и др.), остальные доклады (Киршон, Погодин, Толстой) будут в ближайшие 2-3 дня. Тов. Радек готовит доклад с 20-го апреля. Тов. Бухарин – с середины мая. Если им твердо сказать срок – доклады они сделают. Кроме того, надо иметь в виду, что центральное место займут доклады М. Горького, Радека и Бухарина. За эти доклады можно быть уверенными, что они будут интересны и на достаточно высоком уровне.

2. Прием в Союз писателей в основном закончен. Работа по приему в Союз в сильной степени подняла политическую активность писателей, мобилизовала их к съезду, повысила их чувство ответственности за Союз и за подготовку съезда.

3. Проведена большая политическая работа по подготовке съезда среди рабочих партийцев и советской интеллигенции. Собирались партийные активы в краях и областях по вопросам литературы. В Москве проведено уже 8 районных партийных активов, на 20 крупнейших предприятиях Москвы проведены широкие рабочие совещания по вопросам литературы и задачам съезда. На всех собраниях принимают участие беспартийные и партийные писатели. Ежедневно по радио дается информация о подготовке съезда писателей.

4. Больше месяца ежедневно со страниц газет пропагандируется съезд. Не только центральные газеты, областные и краевые, но и заводские многотиражки систематически уделяют время подготовке к съезду. Всюду пишется, что съезд будет 25 июня. Без преувеличения можно утверждать, что к съезду привлечено внимание всей страны.

5. По всем союзным республикам идут съезды писателей. В краях и областях конференции. Большинство съездов и конференций уже проведено (16/VI – открывается украинский съезд. 19/VI – ленинградская конференция – это уже последние съезды). Съезды и конференции проходят при большом политическом подъеме писателей и читательской массы, при прямой помощи и участии секретарей крайкомов и ЦК нац<иональных> ком<итетов> партии. Всюду уже выбраны делегаты на съезд (кроме Украины и Ленинграда, где делегаты будут выбраны в ближайшие дни).

6. В иностранной прессе также много уделяется внимания нашему съезду. В советской и иностранной прессе через ТАСС было опубликовано приглашение Оргкомитета иностранным писателям. Интерес к съезду иностранных писателей большой. Имеется ряд запросов о разрешении прислать на съезд писателей из стран не упомянутых в нашем приглашении (Чехословакия, скандинавские страны, Греция). Ряд иностранных писателей уже выехал в СССР, а некоторые уже приехали (приехал Андерсен Нексе; 15–17 июня приезжает Анри Мальро, Пливье, 17–18 июня приезжают турецкие писатели, в 20-х числах приезжают писатели ряда других стран).

7. У советских беспартийных писателей в связи с частыми перенесениями сроков съезда вообще пропала вера в съезд и идея съезда становилась непопулярной. За последние месяцы мы вновь добились твердой уверенности в съезде и значительно подняли к нему интерес. Отложить съезд на осень сейчас – окончательно дискредитировать съезд...

8. Наконец, затрачены большие деньги: Оргкомитет уже арендовал помещение для съезда, гостиницы для делегатов, столовые и сделал ряд других расходов.

Исходя из всего вышеизложенного, мы считаем, что ни по политическим мотивам, ни со всех других точек зрения переносить съезд на осень невозможно. Мы заверяем ЦК, что съезд будет проведен неплохо и несем полную ответственность за него. Отложить съезд – внести растерянность. Снизить активность писателей и заранее идти на более плохие и трудные условия созыва съезда осенью.

Самый крайний срок, на который можно пойти без особого ущерба – это отложить съезд еще на 10–15 дней и окончательный срок установить 5–10 июля. Это предел. За это время можно еще раз обсудить доклады и внести в них необходимые исправления.

Решить вопрос о сроках съезда надо немедленно. Через 5 дней будет уже поздно, т. к. большинство делегатов будет в пути...»*

15 июня 1934 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято последнее и, как будто, окончательное решение об открытии Всесоюзного съезда писателей 15 августа; но и эта дата подверглась корректировке. Свою работу Первый Всесоюзный съезд советских писателей открыл 17 августа 1934 года. Именно этот день и считают датой рождения Союза советских писателей.

* Письмо хранится в ОР ИМЛИ РАН.